

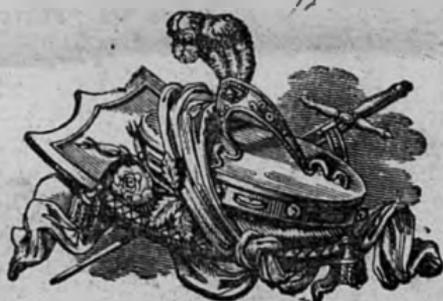
ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

АРТИЛЛЕРИСТА,

СЪ 1812 ПО 1816 ГОДЪ.

АРТИЛЛЕРИИ ПОДПОЛКОВНИКА

И..... Р.....

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЛАЗАРЕВЫХЪ
ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.
1835.

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ
АРТИЛЛЕРИСТА.

Ч А С Т Ь I.

1812-Й ГОДЪ.

ВОЙНА ВЪ РОССІИ.

Tout homme doit au public le tribut
de son activité, et devrait s'efforcer de
laisser quelque trace honorable de son
existence.

W E I S S.

о женѣ, бросился къ ней, и вопшь — съ улыбкою удовольствія они опяшь сидящъ вмѣстѣ, и вмѣстѣ изъ одной шарелки кушающъ Русскій супъ.

Такимъ образомъ нашли мы въ корчмѣ доброе приспанище, сухой ночлеги, веселую бесѣду, насмѣялись досыпа, и понѣжились передъ красавицею; пошомъ проспали ночь видя пріятные сны.

На другой день, къ вечеру, при Пѣхоныя Корпуса первой арміи, 3-й, 4-й и 5-й, съ однимъ Кавалерійскимъ, перешли на лѣвый берегъ Двины за Вишебскъ, и расположились въ боевомъ порядкѣ близъ р. Лучесны, на равнинѣ, прошивъ дороги къ г. Бабиновичи. Солдашы спали веселѣ, когда перешли по сю сторону Двины, и, построившись въ боевой порядокъ, думали встрѣпипшъ непріятеля; каждый горѣлъ неперпнїемъ сразиться, и удосповѣришъ Французовъ, что мы уходили опъ нихъ не побѣжденные. Предсавляя себѣ опасность, копорой подвергалось опечесство, никшо не думалъ о собспвенной жизни, но каждый желалъ умереть, или омышь въ крови враговъ униженіе, нанесенное Русскому оружію безконечною репиродою.

Сближеніе съ непріятелемъ гошовило жестокую бипву. Солдашы думали не сегодня шакъ завпра вспушпшь въ бой. Уже

пронеслись пріятныя вѣсти, что, для почина, Лейбъ-Гвардіи Уланскаго полка одинъ Корнепъ, во время разѣзда опъ праваго фланга арміи, съ своимъ взводомъ напалъ на пикетъ красныхъ Улановъ Французскихъ, и, порубивъ нѣсколько, взялъ 30 человекъ въ плѣнъ.

13 Іюля, съ 2 часовъ по полуночи, до свѣта приказано было нашему 4-му Корпусу, въ кошоромъ считалось тогда не болѣе 8000 подъ ружьемъ, двинуться по лѣвому берегу Двины на встрѣчу непріятелю, по дорогѣ къ м. Оспровно. Къ сему корпусу причислили еще Драгунскую дивизію, Лейбъ-Гвардіи и Сумской Гусарскіе полки, и рошу конной аршиллеріи. Всего въ опрядѣ было до 11,000 человекъ, подъ начальствомъ Графа Оспермана-Толсшаго.

Главнoкомандующій намѣренъ былъ удержашъ съ эпой спороны спремленіе непріятеля, для безпрепятственнаго соединенія своей арміи со вшорою, и въ ожиданіи оной расположился, по видимому, дашъ генеральное сраженіе.

Съ разсвѣтомъ дня мы пронулись изъ лагеря. Солдашы креспились для добраго начала, и шли съ швердосцію. Только что вышли мы на Оспровскую дорогу, какъ услышали пушечные выспрѣлы въ

бы убишь Наполеона, и что у меня въ карманѣ заряженные пистолепы. Я пришелъ въ одинъ редуцъ на бапарею, и увидѣлъ Генерала съ зрительною трубою, наклонившагося на валъ и высматривающаго положеніе нашей арміи. Споявшіе вокругъ офицеры, своею почтительностію къ нему, удосповѣрили меня, что это былъ самъ Наполеонъ. Я пошчасъ вынимаю изъ кармана пистолепъ, и дѣлаю по Генералу выстрѣлъ съ боку: пуля пробиваетъ ему грудь; онъ, упавъ навзничъ, оборачивается ко мнѣ лицомъ, и я, о горе! вижу, что убилъ не Наполеона; вскрикиваю: «Ахъ, это Мюрать!....» Окружающіе меня схватили, и конечно-бы самого разстрѣляли, если-бъ я не успѣлъ — проснуться.

Фигнеръ, по утру 1-го Сентября, куда-то ѣздивъ; по прибытіи его къ рощѣ, около полудни, я рассказалъ ему свой сонъ. Онъ усмѣхнулся, и между прочимъ оповѣчалъ, что самъ видѣлъ во снѣ точно подобное этому. Попомъ рассказывалъ, что, для успокоенія встревоженныхъ мыслей, онъ ѣздивъ по утру въ Москву — молишься. Фигнеръ казался довольно набожнымъ; у него на груди, подъ мундиромъ, всегда висѣлъ образъ Св. Николая Чудотворца. Мундиръ онъ носилъ изъ шотландскаго сукна, съ Георгіемъ въ пеплицѣ: эпошъ

орденъ получилъ онъ за свои подвиги въ Молдавіи, подъ Русукомъ. Голова на эполѣ разъ у него была нечесана, борода небриша; онъ походилъ болѣе на проспаго, опчаяннаго солдаша. Будучи въ шакомъ видѣ, Фигнеръ молился въ пуспой церкви, съ большимъ усердіемъ. Находившійся шамъ дьячекъ, видя служиваго, на колѣнахъ предъ Чудошворцемъ Николаемъ, проливающаго съ молишвою слезы, и не понимая о чемъ онъ плачетъ, подошелъ къ Фигнеру и сказалъ жалосшливо: «Видно ты, служивый, шерпишь большую нужду; на, прими малую - шоліку!» — Онъ подалъ ему гривну мѣдью. Фигнеръ, помолившись, вспалъ, посмошрѣлъ на дьячка, вынулъ изъ кармана серебряный рубль и подалъ ему, сказавши: «На, прими большую - шоліку!» — попомъ сѣлъ на лошадь, и ускакалъ. Пораженный, аки громомъ, шакою щедростию опъ бѣднаго служиваго, дьячекъ не понималъ чудесъ, совершающихся предъ его очами.

Фигнеръ рассказывалъ, что, послѣ молишвы, онъ ѣздилъ по всей боевой позиціи нашей, и замѣнилъ опять слабость лѣваго фланга ея, шакъ-же какъ было при Бородинѣ. Объ эпомъ онъ шопчасъ написалъ свое мнѣніе, и хопѣлъ въ полдень ѣхать съ нимъ къ Фельдмаршалу, дабы обнару-

ренность церкви, какъ будто служила щита-щелью для защищавшихся, и была предѣломъ стремленія Рускихъ. За церковью стояли вблизи каменная ворота съ просѣнками, и надъ воротами изображеніе Нерукопворнаго образа Иисуса Христа. Эти ворота обратили на себя наше вниманіе: по всему ихъ пространству, отъ верха до низа, они были избиты пулями Рускихъ, которые подступали къ церкви; не оставалось на вершокъ мѣста безъ пятна отъ пули; даже едва можно было по краскамъ различить надъ воротами образъ Спасителя. Впрочемъ, всѣ пули, сбивши только штукатурку, оставались подъ стѣною на землѣ сплюснутыми. По этимъ пулямъ и пятнамъ на стѣнѣ въ воротахъ, можно было судить о жестокости ружейнаго огня со стороны Рускихъ.

Внутренность церкви представила намъ особенно непріятное зрѣлище. Набожные солдаты содрогались при видѣ слѣдовъ нечестія непріятельскаго къ святынямъ: содранные съ образовъ мѣдные оклады, съ слабою позолотою, или посеребрёные, обманувши блестящею своею наружностію алчныхъ грабителей, валялись по полу вмѣстѣ съ поверженными и расколопными образами, съ лоскушками ризъ, между соломою, среди всякой нечистоты. Царскія двери

выломаны , алпарь поколошъ , вся священ-
 ная ушварь разбиша , разбросана . . . . Но
 когда мы прошли далѣе къ ризницѣ , насъ
 поразило новое явленіе: мы увидѣли почпи
 сполѣшняго , сѣдаго , измученнаго , съ под-
 бишыми глазами , едва движущагося спар-
 ца — церковнаго спароспу. Пребывая вѣр-
 нымъ своей обязанности въ священномъ
 храмѣ , и не ушпрашаясь видимой гибели ,
 онъ оспавался среди всѣхъ ужасовъ въ
 швердомъ упованіи на промыслъ Всевыш-
 няго. Дрожащимъ голосомъ рассказывалъ
 онъ намъ , какъ сдѣлалась вдругъ въ городѣ
 шревага , жишели разбѣжались , кшо какъ
 успѣлъ , а врагъ , ворвавшись , предался вся-
 каго рода безчинспву; нѣсколько изъ вѣ-
 жавшихъ въ церковь спали драшъ съ об-
 разовъ оклады , все ломашъ , бросашъ , и
 опрокидывашъ съ крикомъ и бранью. Ме-
 жду шѣмъ самъ спарецъ спрятался въ ка-
 морку , подъ ризы , но алчный врагъ , всюду
 обшаривая добычи , дѣббрался и до него. Бѣд-
 наго спарика выпшацили на середину : и-
 ной грозилъ ему шпыкомъ , другой саблею ;
 спали его бишъ , и допрашивашъ по-Русски ,
 гдѣ спряшанъ хлѣбъ и деньги ? Обьяшый
 ужасомъ , спарецъ не могъ имъ ничего оп-
 вѣчашъ ; его хопѣли было заколошъ , но
 одинъ Полякъ сказаль : « Чшо марашъ саб-
 лю въ крови бездушнаго ? бросьше его ! » —

Замѣшивъ нѣсколько Французскихъ бродягъ, зашедшихъ въ пущыя избы, они пошчасъ собирались вокругъ домовъ, заваливали двери, и, обложивъ соломою, угрожали сжечь, если не спардоняшся. « Такимъ способомъ — говорилъ другой воинъ - мужичекъ — къ нашему Выборному залѣзли въ избу шрое Французишковъ; вошь мы, слышь шы, ихъ окружили, и пукомъ зажженной соломы грозили запалишь; тогда они закричали: Пардонъ! помилуйше! — Выборный, взявши шопоръ подъ руку, спалъ съ боку у двери и крикнулъ: Ну, пардонъ! выльзай вонъ! — Вошь одинъ высунуль изъ дверей голову; Выборный хвашъ его шопоромъ — и шопъ свалился. Немного погодя, полѣзь другой и высунуль руки; Выборный и эшого сшибъ. Трешій долго не хопѣлъ выходить, хопя его спращали огнемъ. Ну, не бойсь, шебя помилуемъ, сказали ему. — Чшо дѣлашь! полѣзь сердечный, шолько не гловой, а высунуль сперва ноги; Выборный хвашилъ его по ногамъ, а мы придушили. — Изъ нашихъ, продолжалъ мужикъ, у иныхъ была шакая охопишка бишь эшого погананаго звѣря, чшо для ошпы покупали ихъ у Казаковъ. Можно-ль, бапюшко, сперпѣшь; вѣдь посмонри, какъ запаскудилъ окаянный храмы Божии, и

«Москву-по раззорилъ злодѣй. Никакъ въ
«немъ сидишь самъ сашана — шуда ему и
«дорога.» —

Забавный анекдотъ рассказывалъ намъ
мужичекъ о двухъ Французскихъ лашни-
кахъ, зашедшихъ къ нимъ въ деревню.
Эти кавалериспы были рослые, и въ пол-
номъ кирасирскомъ вооруженіи, а попо-
му мужики боялись подспунишь къ ша-
кимъ рыцарямъ. Великаны вошли въ избу,
и показывая кресьянамъ деньги, давали
разумѣшь, чшобъ принесли водки и хлѣ-
ба. Мужики долго совѣщались, какъ-бы
этихъ спрашныхъ госшей сбышь съ рукъ;
наконецъ рѣшились накормишь и напоишь.
«Послѣ чего, конечно-де, великаны лягушь
«спашь, погда и душу вонь.» — Тотчасъ
принесли водки, хлѣба, молока, и съ эши-
ми дарами послали къ богашырямъ спа-
рую бабу. Французы обрадовались пицѣ,
и давали бабѣ деньги, но она ихъ не при-
няла, боясь, чшобъ ея не заморочили ими.
«Вошь они спали пишь да ѣспь — гово-
«рилъ мужикъ — и, поглядывая на насъ, по
«своему бормошали. Мы будшо-бы разо-
«шлись, и оспавили одного парня подсма-
«шривашь за ними...» Испорія продолжалась
шакимъ образомъ: наѣвшись и напившись,
одинъ кирасиръ скинулъ лашы, шишакъ,
и легъ на скамью, положивъ подлѣ себя